

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ
СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.

JUVENAL, IV.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Редакторъ Николай Гречъ.

ИЗДАШЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

—
1859.

НОВѢЙШІЯ ИЗВѢСТІЯ О ХИВѢ*.

Нынѣшній Хивинскій Ханъ, *Алла-Куль*, царствуетъ съ 1826 года. У него двое сыновей: *Рахманъ-Куль-Тура*, нынѣ 25-ти и *Хадшан-Куль-Тура* 20-ти лѣтъ отъ роду. Алла-Кулю считаютъ нынѣ около 45-ти лѣтъ. Родъ его происходитъ изъ поколѣнія Узбековъ. Хива въ объемѣ своей величины и народонаселенія далеко уступаетъ сосѣдственной Бухаріи. Населеніе Хивы едвали простирается до 200,000 душъ обоего пола. Оно состоитъ изъ смѣшенія Каракалпаковъ, Трухменцовъ, Узбековъ и Сартовъ, которые суть первобытные обитатели Маваранагара, полосы земли между рѣками Аму и Сиръ, куда вышли они изъ Персіи. Каракалпаковъ во всемъ ханствѣ сѣчаютъ не болѣе тысячи человекъ; Трухменцы, почитаемые лучшими воинами, въ послѣдніе годы переселились сюда въ множествѣ. Узбеки, первоначальное поколѣніе Хивинскаго народонаселенія, почитаютъ себя главными, и мало имѣютъ сообщенія съ прочими жителями Хивы.

Въ *Хивѣ*, главномъ городѣ ханства, считается до 20,000 жителей. Онъ построенъ на возвышеніи, и кругомъ обведенъ землянымъ валомъ. Крѣпость, складенная изъ кирпича, образуетъ круглую площадь, стѣны которой толщиною внизу три сажени, а вверху только въ аршинъ. Вышина стѣнъ простирается до 8-ми аршинъ. Въ сей

* Изъ *Preuss. Staats-Zeitung*, куда доставлены были они извѣстнымъ литераторомъ нашимъ г-мъ Далемъ, который много уже лѣтъ живетъ въ Оренбургѣ, нынѣ находится при ген-адъют. Перовскомъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и сообщалъ въ разные Русскіе журналы и альманахи много любопытныхъ свѣдѣній о Хивѣ, взятыхъ имъ изъ рассказовъ возвращающихся оттуда Русскихъ пѣльныхъ. Р. С. О.

крѣпости, въ размыренныхъ промежуткахъ, сдѣланы амбразуры для защиты отъ непріятельскихъ нападений, по пущекъ нѣтъ. Четверы ворота ведутъ изъ города по различнымъ направленіямъ. Передъ ними находятся два небольшія озера. На два дневные перехода отъ города главная рѣка Хивинской страны *Ам-Даря*; отъ нея проведенъ въ городъ каналъ, не глубокий, и не болѣе, какъ въ ростъ человѣческой. Отъ него идутъ 160-ть небольшихъ каналовъ во все стороны, и отъ того Хива вообще пересѣчена каналами, для орошенія и снабженія водою необходимо нужными, ибо, еслибы поля и сады не были ежедневно съ ревностнымъ усиліемъ взрываемы, обрабатываемы и орошаемы плѣнными Рускими и Персіанами, то не приносили бы никакой жатвы.

Въ крѣпости находится до двухъ тысячъ домовъ. Всѣ построены изъ глины, съ плоскими крышками, безъ окошекъ, которые замѣняютъ дыры въ стѣнахъ, и черезъ нихъ дневный свѣтъ проходить во внутренность жилищъ.

Множество домовъ находится внѣ крѣпости. Всѣ они обставлены вокругъ нея и простираются во все стороны болѣе нежели на версту. Улицы, не только въ главномъ городѣ, но и въ прочихъ городахъ ханства кривы, и такъ узки, что съ трудомъ можетъ только провѣять по нимъ крестьянская телега, и притомъ онѣ, выше всякаго понятія, нечисты и грязны. Осенью, въ дождливое время, и улицы въ городахъ и провѣзжія дороги, отъ грязи дѣлаются непроходимыми. Ханъ живетъ въ особенномъ домѣ, въ крѣпости; наружность жилища его совершенно соответствуетъ окружающему его строенію. Передъ домомъ ханскимъ нѣтъ караулни, и только два, или три придверника оберегаютъ внѣшніе входы, и тѣ, по произволу, уходятъ съ постовъ своихъ, на которыхъ и находятся безъ оружія. Ханъ всегда имѣетъ на себѣ свою кривую саблю. Военныя силы его простираются до 20,000 человекъ. Годъ за два, одинъ Русскій простолюдинъ, Василій Лаврентьевъ, прозванный Хивинцами *Виль-Биль*, пользовался у Алла-Кула особеннымъ уваженіемъ. Онъ имѣлъ право ходить вооруженный большимъ ножомъ за поясомъ. Хотя былъ онъ и плохой мастеръ въ столярной работѣ, однакожь Ханъ поручилъ ему дѣлать колеса къ своимъ пуш-

камъ. Когда Лаврентьеву удалось исполнить порученіе, Ханъ пожаловалъ его придворнымъ канонеромъ, уподобивъ притомъ образоватъ артиллеристовъ для употребленія при орудіяхъ. Хотя бѣднякъ едва ли когда выдавалъ пушку въ Россіи, но онъ не смѣлъ сказать, что никогда не стрѣлялъ изъ пушекъ. Вскорѣ послѣ того Ханъ началъ готовиться къ походу противъ Персіи, и набралъ 20-ти тысячную армію. Биль-Билю поручено было главное начальство надъ артиллеріею. Выступили въ походъ и стали передъ городкомъ Мавра. Биль-Биль долженъ былъ начать дѣло четырьмя пушками, поставленными на возвышеніи. Осажденные отвѣчали ему изъ одной пушки, поставленной на земляной стѣнѣ города. Едва только она выстрѣлила, какъ вся Хивинская армія до послѣдняго человека обратилась въ бѣгство. Биль-Биль, удержанный своими орудіями, хотѣлъ запрячь лошадей и бѣжать за другими, но лошади не были готовы. Между тѣмъ Персіане сдѣлали вылазку; она не соответствовала однакожъ выгодному положенію съ ихъ стороны. Персіане не отважились отнять пушекъ у Биль-Биля; ему удалось заложить лошадей и уѣхать. Видите, какъ храбро Хивинцы ведутъ войну! — Недавно Ханъ велѣлъ добывать руду изъ одной, недалеко отъ Хивы находящейся горы. Нѣкоторые изъ Русскихъ плавильныхъ должны были плавить изъ нея серебро. Они сдѣлали опытъ и объявили, что добыть изъ руды можно только олово. Въ Хивѣ, какъ и въ Бухаріи, дѣлаютъ плохой порохъ; лучшій вывозится изъ Россіи. Изъ нея же Хива и Бухарія получаютъ много серебряной и мѣдной монеты, которую на свой манеръ перечекаиваютъ. Собственныхъ серебряныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ рудниковъ у нихъ нѣтъ. Хотя оба государства воюютъ между собою, не смотря на то, караваны ходятъ черезъ ихъ области взаимно, безопасно и неприкосновенно. Зимой 1837 года, одинъ изъ Русскихъ плавильниковъ, приставленный къ артиллеріи, долженъ былъ вылить огромную мѣдную пушку, которая стоила Хану до 3000 рублей. Подобно другимъ южнымъ народамъ, Хивинцы никогда не оставляютъ на полѣ битвы своихъ убитыхъ товарищей, но стараются выкупать ихъ тѣла дорогою цѣною, или, не взирая ни на какія опасности, уносить съ поля сраженія.

Ханъ долженъ имѣть десять женъ. Самая старшая изъ нихъ, дочь Киргизскаго Султана, есть одна изъ ближайшихъ его родственницъ. Между тѣмъ, какъ всякій другой въ Хивѣ за малѣйшее преступленіе подвергается жестокому наказанію, Хану позволяется дѣлать все, что только ему заблагоразсудится, и онъ предается отвратительному разврату. Женщины въ Хивѣ, какъ и вездѣ въ Азіятскихъ странахъ, ведутъ сожалѣнія достойную жизнь. Онѣ находятся подъ строгимъ надзоромъ мужей; всякая со стороны ихъ непокорность подлежитъ свирѣпому наказанію. И самая пища ихъ противъ мужчинъ ограничена. Ханскимъ женамъ хлѣбъ ежедневно выдается въсомъ. Для всего придворнаго штата Ханскаго ежедневно назначено 3 пуда пшеничной муки, 2 пуда пшена, 1 пудъ говядины и $1\frac{1}{2}$ пуда кунжутнаго масла. Экономія доходитъ до того, что многія изъ ханскихъ женъ принуждены посылать на базаръ остатки своего скуднаго пидова, и на вырученные за него деньги покупать себѣ иногда шелкъ и другія необходимыя мелочи. У каждой изъ нихъ есть своя особенная комнатка. Придворною кухнею женъ управляетъ пльняя Персіянка, которая, не смотря на то, едва бываетъ сыта. При большой Ханской кухнѣ приставлена Руская, должность которой гораздо прибыльнѣе. Каждый день два раза являются къ ней слуги всѣхъ царедворцовъ Хана, его женъ и дѣтей, съ глиняными сосудами. Кухарка каждому отдѣляетъ большую, или меньшую порцію, смотря по должности и чину требующаго, и притомъ ей остается еще столько, что каждый вечеръ уносить она домой мѣшочекъ, наполненный съестными припасами. Ханъ получаетъ самую большую порцію, которой онъ никогда не съѣдаетъ; остатки ѣдятъ послѣ него первые министры и придворные чиновники, ожидающіе такой подачи въ передней Хана. При дѣлѣхъ ея дѣло доходитъ нерѣдко до драки. Изъ всего двора Хивинскаго одинъ только Ханъ пьетъ чай, и то кирпичный, или Калмыцкій, а рѣдко другой. Только два раза въ недѣлю позволяетъ онъ себѣ класть въ чай свой сахаръ, и вообще довольствуется одною Китайскою чашкою его. Къ такому наслажденію иногда приглашаетъ онъ своихъ любимцовъ. Жена и дѣти его никогда не получаютъ чаю. — Головной уборъ Хивинской женщины

ны нѣсколько сходствуетъ съ кокошникомъ крестьянокъ въ нѣкоторыхъ Русскихъ губерніяхъ. Богатыя украшаютъ его жемчугомъ и драгоценными камнями. Старшей жень Хана дозволено, каждый годъ, для посѣщенія своего брата, ѣздить на нѣсколько дней въ Киргизскую орду. Она отправляется туда въ ночное время, на одной арбѣ, запряженной въ одну лошадь, и на которой обыкновенно возятъ навозъ, а на сей разъ покрываютъ ее набитымъ шерстью мѣшкомъ. Лошадь ведетъ подъ узду невольникъ. Ханшу сопровождаютъ одна, или двѣ изъ ея служанокъ. Алла-Куль человекъ слабаго характера, покоренъ старшей жень своей, которая имѣетъ надъ нимъ большую власть. Она чрезвычайно упряма, и особенно немилосерда съ своими невольницами; часто съчетъ она ихъ сама плетью, будучи зла и вспыльчива.

Хивинцы не любятъ своего Хана, ибо онъ явно пренебрегаетъ ими, не доверяетъ имъ своего охраненія, и тѣлохранителей своихъ избираетъ большею частію изъ плѣнныхъ Рускихъ и Персіянъ. Нынѣ Рускихъ при особѣ его находится болѣе сотни, между которыми 54 пушкарей. Пушекъ различнаго калибра всего не болѣе тридцати, и почти всѣ онѣ никуда негодны, ибо ни у одной изъ нихъ нѣтъ лафетовъ.

Каждый изъ Россій въ Хиву идущій торговый караванъ, на границѣ, гдѣ кончится степь, долженъ платить подать, обыкновенно по червонцу съ cadaго верблюда. Для сбора пошрины отъ Хана назначены особенные чиновники, называемые *асауль*. Главный надзоръ надъ всеми караванами, выходящими изъ Хивы, имѣютъ Караванъ-Паши, которыхъ самъ Ханъ опредѣляетъ къ должности. Если караванъ возвращается счастливо, то по обычаю даритъ Хану халатъ и лошадь. При каждомъ караванѣ находятся путеводители, которыми обыкновенно бываютъ Киргизы. Имъ извѣстны всѣ направленія дороги, ея состояніе во всякое время года, днемъ и ночью, и они должны точно знать всѣ мѣста, гдѣ должно остановиться; переправляться черезъ рѣку, или отдыхать.

Послѣ Хивы, столицы, *Ургенджъ* есть самый большой и многолюдный городъ въ ханствѣ. *Хезаръ*, *Ханка*, *Хурландъ*, *Аралъ* и *Хаджи-Или* также славятся большими го-

родами. Рагаты, Караманъ, Коскотукъ, Ханнабадъ суть неболышія, незначительныя мѣстечки. И въ Бухаріи, и въ Хивѣ всѣ города окружены рвами и земляными валами.

Въ Хивѣ находится нынѣ до 2000 Русскихъ плѣнниковъ; по другимъ извѣстіямъ, число ихъ должно быть еще болѣе. Едва сотня изъ нихъ донынѣ получила свободу и могла возвратиться въ Россію. Въ Бухаріи нѣтъ ни одного изъ Россіи похищеннаго плѣнника, но много Татаръ, которые бѣжали туда въ разныя времена; ихъ полагаютъ тамъ болѣе тысячи, и съ ними обходятся гораздо лучше, нежели съ Русскими въ Хивѣ. Изъ своихъ набѣговъ на Персію, Хивинскіе Ханы каждый разъ возвращаются, съ значительнымъ числомъ плѣнныхъ. Изъ нихъ *шинты* присуждаются къ тягчайшимъ работамъ, а *сунниты*, будучи одной секты съ Хивинцами, опредѣляются въ армію. Сами Хивинцы никогда не принимаютъ на себя трудной работы ни въ поляхъ, ни въ садахъ. Трудъ подвержены только похищенные ими плѣнники, находящіеся у нихъ въ самомъ бѣдственномъ состояніи невольниковъ. Еслибы у Хивинцовъ не было плѣнныхъ Русскихъ, Персіянъ и Калмыковъ, они умерли бы съ голоду, потому, что работою пропитанія своего себя достать не въ состояніи. Обработываніе полей и садовъ въ Хивѣ требуетъ утомительныхъ трудовъ. Они совершенно возлагаются на бѣдныхъ работниковъ, которые должны все за господъ исполнять. Большою частію невольниковъ приводятъ Тухменцы и Киргизы. При самой тяжелой работѣ, несчастные должны поддерживать жизнь свою самою скудною и дурною пищею. Для мѣсячнаго пропитанія Ханъ назначаетъ нынѣ каждому изъ нихъ только по три пуда пшеничной муки, и болѣе ничего. Частные люди содержатъ своихъ плѣнныхъ еще въ болѣе жалостномъ состояніи. Прежде они награждаемы были хотя лучшею пищею. Но къ Хану Мугаммеду-Рахиму, отцу нынѣшняго, пришелъ изъ Бухаріи въ Хиву мулла, и представилъ, что грѣшно такъ хорошо содержать *недѣлниковъ*, что ихъ должно по настоящему морить голодомъ, съ того времени постигла плѣнныхъ самая суровая участь. Всѣ свои потребности, кромѣ хлѣба, должны они добывать себя сами, какъ могутъ и гдѣ хотятъ. Воровство имъ позволено, но

если их притомъ поймають, то они подвергаются жесточайшимъ наказаніямъ. Пльнники, приводимые въ Хиву, подобно животнымъ, выводятся на базаръ, и здѣсь продаются съ торга. Средняя цѣна за пльнника, не старыхъ лѣтъ и способнаго къ работѣ, отъ 60 до 70-ти червонцовъ. Побѣгъ въ Россію рѣдко удается пльнному. Отправляющіеся изъ Хивы караваны строжайшимъ образомъ осматриваются на границѣ особенными чиновниками. Невольникамъ, пойманнымъ въ бѣгствѣ, рѣжутъ носъ и уши, и такимъ образомъ изуродованныхъ подвергаютъ, если только возможно, еще болѣе прежняго жесточайшей участи. Нѣкоторымъ изъ пльнныхъ удается иногда написать на родину, или оттуда получить письмо, при чемъ Киргизы бывають посредниками, поступая весьма ловко и хитро. Они зашивають письма въ свои платья, колпаки, сапоги, но если бывають притомъ пойманы, то лишаются жизни. Весною 1837 года повѣсили въ Хивѣ Киргиза, у котораго нашли письма изъ Россіи къ Русскимъ пльникамъ. Не лучше бываетъ пишущимъ письма и получающимъ ихъ. Одинъ изъ возвратившихся въ Августъ 1839 года въ Оренбургъ пльнныхъ рассказывалъ въ своемъ показаніи слѣдующее происшествіе: «Немного спустя послѣ нашего ухода изъ Хивы, Хивинцы изъ Оренбурга уведомили, что пльникъ Егоръ переписывается съ своими родственниками въ Россіи. Въ то же время въ Хивѣ, у прибывшихъ туда Киргизовъ, нашли письмо съ моимъ адресомъ: *Егору Попову*. Не зная прозванія пльниковъ своихъ, Хивинцы привязались къ имени *Егоръ*, удостовѣрились въ подозрѣніи противъ несчастнаго соименника моего, схватили его, по повелѣнію Хана, ночью, повлекли изъ города, принудили его самого копать могилу, и, по извѣстіямъ однихъ закопали его туда мертваго, а другіе говорятъ — живаго! Услышавъ о томъ, началъ я доказывать, что письмо было адресовано ко мнѣ; и что несчастный невинно претерпѣлъ ужасную смерть. «Что дѣлать! отвѣчали мнѣ — «если такъ, то невинная душа его вознеслась на небо!»

Главныя произведенія въ Хивѣ суть слѣдующія: рожь, *дживари* (особаго рода пшеница), просо, особенно въ большомъ количествѣ чечевица, изъ которой жители до-

Т. XII. — Отд. VI.

бываютъ масло, предпочитаемое ими коровьему (*Linsen, aus denen die Bewohner Butter erzeugen, die der von den Kühen gewonnenen vorzuziehen ist*). Есть также сарацинское пшено, и многіе плоды; между прочимъ превосходныя дыни и арбузы растутъ въ изобиліи. Хлѣба не достаѣтъ для потребностей всего народа. Хлопчатая бумага родится очень хорошо, и частью продается пряденая, частью хлопкомъ. Въ Хивѣ выдѣлываютъ шелковыя ткани, которыя предпочитаютъ Бухарскимъ. Жары лѣтомъ сильнѣе, нежели въ южной Россіи, но за то ночи холодны. Лѣтомъ дождь идетъ очень рѣдко, но осени весьма дождливы. Грозъ большихъ не бываетъ, и рѣдко случается, чтобы молнія убивала людей, или зажигала дома. Въ началѣ Іюня въ Хивѣ снуютъ уже большую часть полевыхъ прозябеній, а черезъ нѣсколько недѣль принимаются и за садовыя. Зима начинается въ концѣ Октября и продолжается до конца Марта. Но жестокіе морозы наступаютъ только около Рождества. Тогда замерзаютъ рѣки, но въ Январѣ онѣ уже опять вскрываются. Зимы бываютъ весьма различны, и иногда чрезмѣрно холодны и суровы. Такова была зима съ 1827 на 1828-й годъ, когда ледъ на рѣкѣ Аму былъ толщиною въ аршинъ, и стоялъ болѣе шести недѣль, а снѣгъ былъ по колено. Иногда, напротивъ, зимы до чрезмѣрности утѣренны, такъ, что рѣки вовсе не замерзаютъ. Наводненія часто случаются весною, при вскрытіи рѣкъ, и въ концѣ Іюня, когда начинается таять снѣгъ на горныхъ вершинахъ.

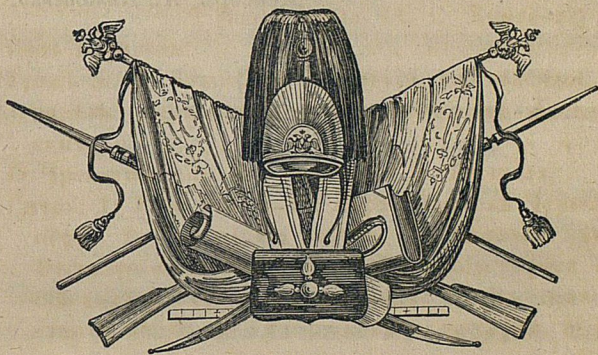
ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАННИКАМЪ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ
ЗАВЕДЕНІЙ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ № 246.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

II.

И С Т О Р І Я.

НАПАДЕНІЕ ХИВИНЦЕВЪ НА УКРѢПЛЕНІЕ АКЪ-БУЛАКЪ

въ Ноябрь 1839 года.

(Изъ дневника Русскаго офицера.)

Скучно и длинно тянулось время. Акъ-булакское укрѣпленіе, построенное съ лѣта, служило, вмѣстѣ съ Эмбинскимъ укрѣпленіемъ, складочнымъ мѣстомъ для провіанта и припасовъ, заготовленныхъ для военнаго отряда, шедшаго въ Хиву. Акъ-булакъ былъ расположенъ у предгорья Усть-урта и находился далѣе, чѣмъ на пути отъ Оренбурга до Хивы. Первоначальный гарнизонъ его простирался до 500 человекъ, съ казаками и артиллеристами; но впоследствии онъ

уменьшился отъ больныхъ и умершихъ. Между тѣмъ частые и самые ужасные бураны довершали разрушеніе въ укрѣпленіи: рвы и стѣны, которыми былъ обнесенъ лагерь, сровнялись; употребляли безпрестанныя усилія, чтобы очистить хотя барбетъ, а работа ни сколько не подвигалась впередъ: что дѣлалось днемъ, уничтожалось въ ночь.

Въ этомъ то укрѣпленіи бивакировали мы. Наши биваки имѣли ту особенность, что были расположены на глубокомъ снѣгѣ, въ походныхъ Киргизскихъ джуломахъ, которыя то и дѣло срывало вѣтромъ. Сколько разъ, среди ночи, были мы внезапно пробуждаемы проникавшимъ до костей холодомъ и, открывая глаза, видѣли надъ собою, вмѣсто кошомнаго круга своей кибитки, небо съ его неизмѣннымъ бураномъ, а вокругъ себя заметы снѣгу; бывало боишься покинуть холодное ложе, чтобы не предать всего себя на жертву бурана, и остаешься подъ открытымъ небомъ, полузанесенный снѣгомъ, пока не раскинуть опять джулому, (а это слѣзть не легко во время бурана),—и только тогда, какъ вспыхнетъ ярко сухой камышъ, единственное горючее вещество, которое мы имѣли, тогда выползаешь изъ подъ тяжелыхъ, мокрыхъ шубъ къ отрадному огоньку; сколько разъ, пригрѣтые имъ, мы тутъ же предавались сладкому сну, и за утра находили полусгорѣвшею скудную одежду, которая еще у

насъ оставалась; не рѣдко огонь проникалъ до тѣла и въ соединеніи съ холодомъ, обдававшимъ съ другой стороны, наводилъ на спящаго невыносимо тяжкія ощущенія, словно давленіе кошмара, отъ котораго трудно было освободиться.

Есть минуты радостей среди постоянныхъ лишеній. Во время переѣзда нашего отъ каравана до Акъ-булака, мы дѣлали по 140 верстъ въ сутки, конечно верхомъ; чрезвычайная усталость до того заглушала голодъ, что двухъ-дневнаго запаса сухарей, который взяли для себя казаки (мы не брали съ собою ни какихъ припасовъ), намъ было очень достаточно во время всего переѣзда; но жажда мучила насъ безпрестанно. «Только чай могъ бы утолить эту томительную жажду», воскликнулъ кто—то изъ насъ съ тою тоскою, съ какою говорятъ о предметѣ миломъ сердцу, но на всегда потерянномъ. «У меня есть сахаръ», отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ. — Есть сахаръ!— Это уже казалось богатствомъ для насъ, хотя мы еще не знали, какое употребленіе изъ него сдѣлать. — А чаю можно достать, сказалъ переводчикъ. — Можно достать! гдѣ?—И мы съ недовѣріемъ глядѣли ему въ глаза. У меня въ куржумахъ (переметныя сумы) всегда хранился прежде чай; теперь его нѣтъ... но не такъ же плотно онъ былъ завернутъ, чтобъ не просыпался когда-нибудь, и если хорошенько поискать, то вѣрно можно собрать нѣсколько крохъ. Приступили къ

дѣлу, и между бѣльемъ, сапогами и прочимъ хламомъ, дѣйствительно нашли не много чаю съ примѣстью разной разности; оставалось одно затрудненіе: въ чемъ изготовить его?—Но наши казаки и тутъ умудрились: нашелся заржавленный желѣзный ковшъ, вещь необходимая для того, чтобы поить лошадей въ степи, гдѣ колодцы большею частію и почти исключительно замѣняютъ проточную воду; въ этомъ ковшѣ вскипятили воду, заварили чай и изъ этого же ковша пили его, и конечно никогда въ жизни не пили мы его съ такимъ наслажденіемъ, какъ въ ту пору.

Общество наше въ лагерѣ состояло изъ двухъ или трехъ офицеровъ линейнаго Оренбургскаго баталіона № 2-го, которымъ мы обязаны радующимъ пріемомъ, и двухъ изорванныхъ книгъ «Библіотеки для чтенія», случайно завезенныхъ сюда къ намъ то изъ нихъ. Ничѣмъ ненарушаемое единообразіе навело на гарнизонныхъ офицеровъ,—конечно не безпечность, но совершенную увѣренность въ томъ, что Хивинцы, упустившіе благоприятное время къ нападенію на наши малочисленные отряды лѣтомъ, когда только основывалось укрѣпленіе, никакъ не рѣшатся напасть среди зимы на укрѣпленіе, уже устроенное, хотя правда и разрушенное, какъ мы замѣтили, бурапами, однако снабженное всѣмъ нужнымъ для выдержанія атаки или осады. Никому не приходило на мысль, чтобы они могли пройти Усть-уртъ и все пространство 600 верстъ, отдѣ-

лявшее ихъ отъ Акъ-булака, по глубокимъ снѣгамъ, въ бураны, для чего необходимы были запасы для нихъ, и особенно для ихъ аргамаковъ, вообще изнѣженныхъ и слабымъ въ дальнихъ переходахъ; все это требовало нѣкотораго порядка и подчиненности, столь чуждыхъ ордамъ Туркменовъ и природныхъ Хивинцевъ.

18 Ноября, рано утромъ, часовые съ редута увидѣли движущуюся, сѣроватую массу на горизонтѣ, со стороны Донгусъ-тау; ударили тревогу. Между тѣмъ начались разныя догадки: говорили, что это Русскій отрядъ, котораго въ то время ждали, что онъ вѣроятно сбился съ пути во время бурановъ и потому является съ противоположной стороны; иные увѣряли, что это марево, миражъ, и дѣйствительно призракъ, принятый за отрядъ, вскорѣ скрылся; люди были разпущены изъ-подъ ружья и пикеты отправлены на свои мѣста. Вскорѣ однако опять ударили тревогу въ редутѣ, отстоявшемъ саженьей на сто отъ укрѣпленія, и на этотъ разъ предметъ былъ такъ ясенъ, что не требовалъ никакихъ догадокъ и поясненій: толпы всадниковъ, то разсыпаясь въ разныя стороны, то вновь смыкаясь въ колонны и кучки, обгинали еще вдали укрѣпленіе. Этотъ образъ приближенія показывалъ уже несомнѣнно, что то былъ не Русскій отрядъ. Непріятельскія толпы мигомъ взлетѣли на всѣ окружающія возвышенности, въ

предположеніи захватить наши пикеты; но къ счастью, снятые во время первой тревоги, пикеты не успѣли занять своихъ мѣстъ; а потому Хивинцы должны были довольствоваться тѣмъ, что выставили свои маяки на возвышеніяхъ; обскакавъ потомъ укрѣпленіе нѣсколько разъ, какъ бы выглядывая его силы и средства къ оборонѣ, они съ гикомъ кинулись на приступъ: Алла, Алла! Аламанъ-гау, Аламанъ-гау! (во имя Бога, грудью, дружиѣй) раздавалось отовсюду!—Но встрѣченные залпомъ съ двухъ шести-фунтовыхъ единороговъ, находившихся въ укрѣпленіи, и батальнымъ огнемъ гарнизона, отпрянули такъ же быстро, какъ и наскочили; впрочемъ они удалились только изъ-подъ ружейныхъ выстрѣловъ и на этомъ разстояніи обложили укрѣпленіе, между тѣмъ какъ батыри, носясь на армагакахъ вдоль лѣваго фаса укрѣпленія, какъ болѣе открытаго, вели перестрѣлку съ нашими застрѣльщиками и охотниками. Стоя на барбетѣ съ подзорною трубою, мы любовались безпорядочною пестротой непріятельскаго отряда; разнообразная одежда обличала составъ его: всего болѣе находилось въ дѣлѣ Туркменовъ, менѣе было Каракалпаковъ, и еще менѣе природныхъ Хивинцевъ и Киргизовъ, какъ то доказали впоследствии и собранныя свѣдѣнія. Число всѣхъ простиралось до 2,000; при нихъ было пять знаменъ и два или три отдѣльные значка. Нашъ гарнизонъ едва могъ выставить 250 чело-

вѣкъ подѣ ружье, включая въ то число и деньщиковъ.

Въ теченіи цѣлаго дня непріятель держалъ въ осадѣ нашъ лагерь, дѣлая частыя попытки къ приступу; но всякій разъ не дружно и совершенно безуспѣшно. Нельзя не признать личной храбрости многихъ изъ Туркменовъ; они мужественно кидались впередъ на батальный огонь, но недостатокъ единодушія и подчиненности уничтожалъ всѣ ихъ усилія: напрасно возбуждали они другихъ кликами и гикомъ къ общему приступу; большая часть оставалась въ почтительномъ отдаленіи отъ укрѣпленія, или разлеталась при первыхъ выстрѣлахъ; особенно дѣйствіе орудій ужасало ихъ: оно примѣтно наводило на нихъ панической страхъ.

Видно было также, что Туркмены, или старшины ихъ, силою частаго упражненія въ своихъ наѣздахъ, пріобрѣли, такъ сказать, инстинктъ военнаго ремесла: они умѣли открыть слабую сторону укрѣпленія, совершенно занесенную снѣгомъ и наиболѣе тѣснили его оттуда; пользовались пригоркомъ или могилой (мулой), гдѣ на-скоро устраивали шанцы и вели изъ за нихъ перестрѣлку, — и между тѣмъ, какъ одни стрѣляли, другіе заряжали и передавали имъ ружья; этимъ замѣняли они недостатокъ хорошихъ стрѣлковъ и особенно ружей, которыхъ едвали было до 200 во всемъ отрядѣ.

Къ вечеру непріатель отступилъ и расположился въ шести верстахъ отъ нашего укрѣпленія на дорогѣ въ Эмбинское. Это было первое дѣло съ Хивинцами!

Ночью Хивинскіе разъѣзды приближались почти къ самому укрѣпленію и завязывали перестрѣлку съ нашими часовыми. Нельзя не упомянуть о молодецкомъ поступкѣ двухъ казаковъ: они вызвались доставить донесеніе Командира Акъ-булак-скаго укрѣпленія Г. Генералъ-Адъютанту Перовскому на Эмбу, и въ ночь, съ 18-го на 19-е число, три раза пускались въ путь по разнымъ направленіямъ, стараясь избѣгнуть непріательскихъ разъѣздовъ или пикетовъ; но всякій разъ были открываемы и преслѣдуемы ими до самаго укрѣпленія. Разъ паткнулись они на самый станъ непріателя; остановились, припали къ землѣ, и до тѣхъ поръ оставались въ этомъ наблюдательномъ положеніи, пока не были открыты; весь лагерь всполохнулся, и казаки на плечахъ своихъ принесли нѣсколько туркменскихъ всадниковъ къ укрѣпленію:—эти казаки были Мойсеевъ и Воротниковъ.

Непріатель, расположенный, какъ мы замѣтили, верстахъ въ шести отъ нашего лагера, оставался въ этомъ разстояніи, измѣняя только позицію, до 5-и часовъ вечера другаго дня. Тутъ двинулся онъ опять къ нашему укрѣпленію; но вдругъ пріостановился, и соединившись въ нѣкоторомъ порядкѣ виѣ выстрѣловъ, пробылъ здѣсь около

часа, въ безпрестанномъ движеніи и въ какомъ-то ожиданіи. Мы видѣли ясно, какъ потомъ, три всадника прискакали со стороны Эмбы, и вслѣдъ за тѣмъ весь непріятельскій отрядъ повесся по дорогѣ къ Эмбинскому укрѣпленію: легко было догадаться, что онъ узналъ о чемъ-то для него важномъ и предпринялъ что нибудь рѣшительное.

20-го Ноября прибылъ въ укрѣпленіе, подъ командою Поручика Ерофѣева, отрядъ, состоявшій изъ одной роты 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона и 125 Оренбургскихъ казаковъ. Тутъ пояснились предшествовавшія движенія Хивинцевъ.

Оставивъ нашъ лагерь въ 6-мъ часу вечера, 19-го числа, они настигли ввѣренный Ерофѣеву отрядъ, около 7-и часовъ вечера того же дня, въ 15-и верстахъ отъ Акъ-булакскаго укрѣпленія, и въ то время, когда онъ располагался на ночлегъ и еще успѣлъ развьючить всѣхъ верблюдовъ, ударили на него. Нападеніе было совершенно печальное; толпы смѣшались; между нѣкоторыми изъ нашихъ солдатъ и Туркменами бой доходилъ до рукопашнаго. Поручикъ Ерофѣевъ спѣшилъ устроить каре изъ व्यюковъ и телегъ, и между тѣмъ какъ нестройныя толпы непріятеля кидались на добычу, на व्यюки и верблюдовъ, онъ успѣлъ окончить свое укрѣпленіе, и подъ его защитой прогналъ Хивинцевъ, которые однако успѣли захватить часть нашихъ верблюдовъ и лошадей. Лагерь Ерофѣева находился въ лоци-

нѣ, представлявшей затишье отъ бурановъ и хотя скудный подножный кормъ. Хивинцы заняли возвышенности съ которыхъ беспокоили его выстрѣлами вѣтченіи цѣлой ночи.

Жадность Туркменовъ къ добычѣ была такъ велика, что нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь оврагомъ, примыкавшимъ къ одному изъ фасовъ укрѣпленія и темнотою ночи, прокрадывались къ выюкамъ, составлявшимъ наружное укрѣпленіе и, прильнувъ къ нимъ неподвижно, прикрывъ себя кошмой или какимъ лахмотьемъ, словно со всѣми уловками и хитростію людей, привыкшихъ къ ремеслу хищничества, успѣвали вытаскивать сухари и нѣкоторыя вещи; но не многимъ удавалось возвращаться съ добычей! Иные были заколоты штыками нашихъ солдатъ у самыхъ выюковъ, другіе настигнуты пулею на пути.

Съ зарею поднялись Хивинцы и долго молились; вслѣдъ за тѣмъ раздался звонкій голосъ рожка, и непріятель началъ облетать отрядъ Ерофѣева. Человѣкъ 60 Туркменовъ, спѣшившись и гоня передъ собою верблюдовъ, приближались подъ этою движущеюся стѣною къ нашему каре; за ними слѣдовали толпы конныхъ; но съ первыхъ выстрѣловъ нѣсколько верблюдовъ пало; привязанные одинъ къ другому, остальные не могли двинуться съ мѣста и непріятельскіе охотники остались открытыми; между тѣмъ вышедшіе изъ за укрѣпленія наши стрѣлки сбили

и прогнали ихъ, захвативъ обратно своихъ верблюдовъ. Это смѣшало общій непріятельскій натискъ: Хивинцы дѣйствовали не дружно, отступили въ безпорядкѣ и преслѣдуемые далеко, — непоказывались болѣе въ виду Русскаго отряда. Ерофѣевъ безъ артиллеріи, съ отрядомъ въ семь разъ менѣе непріятельскаго, безпрепятственно снялся со своей позиціи, и вечеромъ того же 20 числа прибылъ благополучно въ Акъ-булакское укрѣпленіе.

Потеря съ нашей стороны состояла изъ 5-ти человѣкъ убитыхъ и 14 раненыхъ. Непріятель отступилъ, не успѣвъ даже захватить всѣхъ своихъ убитыхъ,—что у Туркменовъ и Хивинцевъ, подобно какъ у всѣхъ мусульманъ, считается постыднѣе самого пораженія. По всѣмъ вѣроятіямъ, потеря непріятеля въ дѣлѣ съ отрядомъ Ерофѣева простиралась до ста человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Описанныя мною два дѣла съ Хивинцами, незначительныя въ существѣ своемъ, были важны по послѣдствіямъ, и тѣмъ, что ознакомили насъ съ непріателемъ, съ которымъ мы только въ другой разъ такъ близко встрѣтились.

Собранныя въ послѣдствіи свѣдѣнія показали, что ханъ Хивинскій, готовясь къ войнѣ съ Русскими, послалъ кличъ къ Туркменамъ, Каракалпакамъ и Киргизамъ, и собравъ около 3 т. отборнаго вой-

ска, вѣрилъ его своему дестерханджи (*), самому близкому къ себѣ человѣку, извѣстному храбростію и благоразуміемъ въ народѣ. Онъ отдалъ ему одно приказаніе, — уничтожить Акъ-булакское и Эмбинское укрѣпленія съ его гарнизонами; иначе, не возвращаться въ Хиву. Весь отрядъ состоялъ на ханскомъ жалованьѣ, былъ плохо вооруженъ, но на прекрасныхъ аргамакахъ, на быстроту которыхъ Хивинскіе воины надѣются въ дѣлѣ болѣе, чѣмъ на собственную силу и храбрость. Онъ достигъ до Каратамака (на Сѣверо-западной оконечности Аральскаго моря) скоро и довольно благополучно; но, застигнутый сильными буранами, остановился здѣсь и пробылъ на мѣстѣ около двухъ недѣль, изнурилъ коней, ослабъ физически и упалъ духомъ; за всѣмъ тѣмъ, едва миновались бураны, отрядъ выступилъ въ путь, и на третій день явился близъ нашего укрѣпленія, переѣхавъ пространство 250 верстъ!... Очень сомнительно, чтобы Хивинскій военачальникъ снабдилъ нужнымъ количествомъ запасовъ оставшихся на Каратамакѣ худонныхъ и слабыхъ, которыхъ число простиралось до тысячи человѣкъ; но у самаго Акъ-булака, при его отрядѣ, было нѣсколько заводныхъ лошадей, болышею частію съ запасомъ приготовлен-

(*) Дестерханджи въ буквальномъ переводѣ значитъ скатертникъ, — званіе, соответствующее нашему старинному кравчему: онъ вѣстѣ и главный казначей, который съ мяфтеромъ раздѣляетъ верховное управленіе Хивы.

ной для лошадей кукурузы; съѣстные же припасы каждый имѣлъ при себѣ, или, правильнѣе, долженъ былъ имѣть; у многихъ ихъ не было.

Я отклонился отъ своего предмета, и спѣшу обратиться къ нему. Хивинскій отрядъ, отбитый отъ Акъ-булакского укрѣпленія и потерпѣвшій отъ горсти людей, бывшихъ съ Ерофѣевымъ, уже не думалъ идти къ Эмбинскому укрѣпленію, гдѣ сосредоточились въ то время Русскіе отряды; но, прокочевавъ день два въ окрестностяхъ Чагана, направился, чрезъ Каратамакъ, къ своимъ владѣніямъ. Застигнутый на пути продолжительными буранами, онъ потерялъ большую часть лошадей, и до полуторы тысячи людей погибли отъ голода и стужи; остальные, большею частію разметанные бураномъ на пустынномъ пространствѣ Усть-Урта, кое-гдѣ переждали ненастье и достигли до первыхъ ауловъ. Самъ дастерханджи едва дотащился на чужой лошади въ Хиву, гдѣ подвергся всеобщимъ насмѣшкамъ и гнѣву Хана, счастливый еще тѣмъ, что удержалъ свою голову на плечахъ. Такъ кончилась эта экспедиція.
